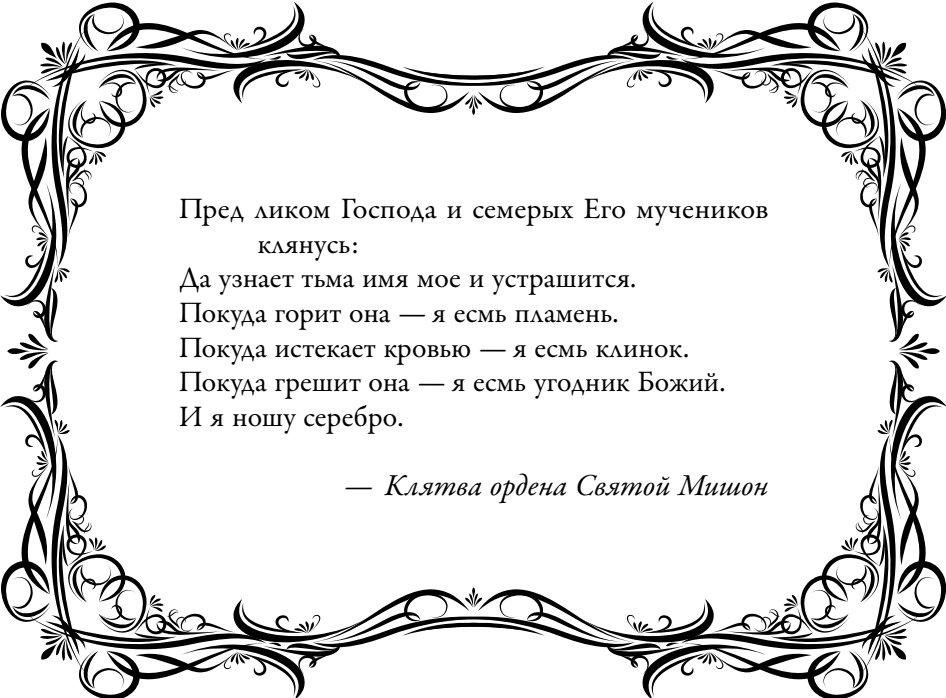

*Take hold of my hand,
For you are no longer alone.
Walk with me in hell.*

— Марк Мортон

* Англ: «Возьми меня за руку, ибо больше ты не один. Ступай со мной в ад»
(цитата из песни группы *Lamb of God* «*Walk with Me In Hell*». Марк Мортон —
соло- и ритм-гитарист группы. — Здесь и далее примечания переводчика.)

A decorative rectangular border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

Пред ликом Господа и семерых Его мучеников
клянусь:

Да узнает тьма имя мое и устрашится.

Покуда горит она — я есмь пламень.

Покуда истекает кровью — я есмь клинок.

Покуда грешит она — я есмь угодник Божий.

И я ношу серебро.

— *Клятва ордена Святой Мишон*

Не спрашивай, есть ли Бог; лучше спроси, почему Он такая сволочь.

То, что есть зло, не отрицает и величайший глупец. Мы живем в тени зла. Лучшие из нас поднимаются над ним, худшие — испивают его до капли, но все мы неизменно и постоянно бредем по жизни, утопая в нем по колено. Проклятия и благословения сыплются на злых в равной мере. Ибо на каждую услышанную молитву приходится по десять тысяч оставшихся без ответа. Святые страдают бок о бок с грешниками, молясь за чудовищ, исторгнутых из самого чрева ада.

Но коли есть ад, разве не должно быть и неба?

А если есть рай, то разве нельзя нам спросить, отчего же все так?

Если Вседержитель желает покончить со скверной, но отчего-то не может, то, значит, Он вовсе не так всемогущ, как внушают нам священники. Если же Он способен положить тьме конец, то почему тогда зло вообще существует? А уж коли Он не желает и не может расправиться с ним, какой же Он тогда Бог?

Есть, правда, еще догадка: Он может остановить зло, просто бездействует.

Детей вырывают из рук у родителей. Безымянные могилы тянутся до горизонта и дальше. Бессмертная нежить охотится на нас при свете почерневшего солнца.

Ныне мы добыча, топ аті*.

Мы — пища.

Только Он и пальцем не шевельнет, чтобы все прекратить.

А ведь может.

Просто бездействует.

Ты не думал, отчего Он так возненавидел нас?

* Друг мой (фр.).

НА ЗАКАТЕ

Во владениях Вечного Короля шел двадцать седьмой год мертводня, и убийца правителя ожидал казни.

Он, как дозорный, стоял у окошка-бойницы и сторал от нетерпения, сцепив за спиной покрытые запекшейся кровью и бледным, точно свет звезд, пеплом татуированные руки. Узлище располагалось на самом верху одинокой башни, ласкаемой неусыпными ветрами. Окованная железом тяжелая дверь была заперта и неприступна, словно тайна. Убийца следил, как садится готовое незаслуженно отдохнуть солнце, и вспоминал вкус преисподней.

Внизу раскинулась булыжная мостовая внутреннего дворика, обещавшая недолгое падение и вслед за ним — тьму без снов. Впрочем, в узкое окно он бы не смог протиснуться, а в камере для сна почти ничего не оставили: только солому на каменном полу. Было еще ведро, чтобы испражняться, а щель в стене, похоже, позволяла убийце мучиться видом жидкого заката в ожидании настоящих пыток. Одет он был в тяжелое кожаное пальто, стоптанные сапоги и кожаные брюки, покрытые грязью дорог и сажей. Сам он, бледный, сильно потел, хотя очаг у него за спиной не горел. Разводить огонь, даже в тюремной камере, холоднокровки не рисковали.

Скоро они придут за ним.

Замок внизу просыпался. Чудовища поднимались со своих лож в холодной земле, принимая некое подобие человеческого облика. Воздух гудел от пения кожистых крыльев. По зубчатым крепостным стенам прохаживались часовые, солдаты-рабы в броне из вороненой стали; на их черных плащах красовался герб: два волка и две луны.

Глядя на них, убийца скривил губы: люди охраняют место, стеречь которое не стала бы и собака.

Небо почернело, словно грех.

Горизонт покраснел, как уста его дамы, когда он последний раз целовал их.

Убийца погладил татуировку на кисти руки, чернильные буквы под костяшками кулака.

— Терпение, — прошептал он.

— Можно войти?

Убийца сделал над собой усилие и не вздрогнул, не доставил удовольствия холонокровке, он продолжил смотреть в окно — созерцая далекие неровные кулаки гор, покрытые пепельно-серым снегом. Взгляд чудовища скользнул по его шее. Убийца знал, чего оно хочет, зачем явилось сюда. Надеясь, может, все произойдет быстро, хотя в глубине души понимал: палачи захотят растянуть удовольствие, наслаждаясь его воплями.

Наконец он обернулся, чувствуя, как внутри него при виде твари разгорается пламя. Гнев давно стал ему другом, которому он неизменно радовался. С гневом он не чувствовал ноющих жил и старых костей, забывал о тянущей боли в рубцах. Глядя на вошедшее чудовище, убийца снова ощутил себя как в молодости, когда чистая и незамутненная ненависть окрыляла и несла вперед.

— Добрый вечер, шевадье, — произнес холонокровка.

Вампир умер еще мальчишкой. Лет пятнадцати или шестнадцати, не возмужавшим и не утратившим чуть ли не девичьей стройности. Сколько ему лет на деле, знал один только Бог. Щеки вампира окрашивал легкий румянец, а лицо с большими карими глазами обрамляли густые золотистые локоны; на лоб падала искусно отделенная прядка. Губы на фоне идеально гладкой, гипсово-белой кожи казались неприлично красными. Тот же оттенок был и у белков глаз, а значит, кровосос недавно поел.

Не смысла убийца ничего в этих тварях, сказал бы, что эта похожа на живого.

На чудовище был черный бархатный кафтан, расшитый золотыми завитушками. Плечи покрывала мантия из вороньих перьев, стоячий воротник которой напоминал веер лоснящихся черных клинков. На груди был вышит клановый герб: два волка, щерясь, воют на две луны.

Портрет дополняли темные бриджи, шейный платок, чулки из шелка да лакированные туфли. Чудовище в облике аристократа.

Оно стояло посреди камеры, хотя дверь по-прежнему оставалась запертой, словно тайна, на крепкий замок. В бледных, как кость, руках, оно сжимало толстую книгу.

— Я маркиз Жан-Франсуа крови Честейн, — сладкой колыбельной прозвучал голос вампира, — летописец ее милости Марго Честейн, первой и последней своего имени, бессмертной императрицы волков и людей.

Убийца молчал.

— Ты Габриэль де Леон, Последний Угодник-среброносец.

Убийца, названный Габриэлем, не произнес ни звука. В тишине глаза твари горели, словно свечи; воздух будто бы сгустился, как черная патока. На мгновение Габриэлю показалось, что он стоит у обрыва, и спасти может лишь прикосновение холодных рубиновых губ к его глотке. При одной мысли об этом кожу стало покалывать, а кровь непроизвольно забурлила. Так мотылек стремится к пламени, желая сгореть.

— Мне можно войти? — повторило чудовище.

— Ты и так вошел, холонокровка, — ответил Габриэль.

Тварь взглянула ему под ремень брюк и понимающе улыбнулась.

— Спрашиваю из вежливости, шевалье.

Она щелкнула пальцами, и окованная железом дверь распахнулась. В камеру скользнула хорошенькая рабыня в длинном, сильно приталенном платье из бархатного дамаста с корсажем. Ее шею прикрывал черный кружевной воротник. На глаза падали похожие на цепочки из вороненой меди рыжие косички. Лет рабыне было за тридцать, как и самому Габриэлю; будь вампир обычным мальчишкой, а она — обычной женщиной, то сгодилась бы чудовищу в матери. Однако женщина с легкостью внесла и, не поднимая глаз, поставила рядом с холонокровкой тяжелое, висевшее как она сама, кожаное кресло.

Чудовище не сводило с Габриэля глаз. Как и он — с него.

Женщина внесла второе кресло и дубовый столик. Поставив кресло возле Габриэля, а столик между угодником и чудовищем, сцепила руки, словно настоятельница монастыря в молитве.

Вот теперь Габриэль разглядел шрамы у нее на горле: под кружевным воротничком скрывались легко узнаваемые следы укусов. От

презрения по коже побежали мурашки. Тяжелое кресло рабыня внесла как пушинку, зато сейчас, в присутствии холоднокровки, стояла чуть дыша, а ее бледная грудь в разрезе платья вздымалась и опадала, как у девицы в первую брачную ночь.

— *Merci*^{*}, — сказал Жан-Франсуа из клана Честейн.

— К вашим услугам, — пробормотала женщина.

— Оставь нас, милая.

Рабыня встретилась с чудовищем взглядом. Ее рука метнулась вверх, к молочно-белому изгибу шеи и...

— Скоро, — пообещал холоднокровка.

Женщина приоткрыла рот. Габриэль заметил, как участился ее пульс.

— Как скажете, хозяин, — прошептала она.

Даже не взглянув на Габриэля, рабыня сделала книксен и выскользнула из комнаты, оставив убийцу наедине с чудовищем.

— Присядем? — предложило оно.

— Предпочитаю умереть стоя, — ответил Габриэль.

— Я не убивать тебя пришел, шевадье.

— Тогда чего тебе, холоднокровка?

Зашелестела тьма. Чудовище неуловимо переместилось в кресло. Сев, оно смахнуло с вышитого бархатного кафтана воображаемую пылинку и опустило книгу на колени. Простейшая демонстрация силы — показ мощи, призванный предостеречь убийцу от проявлений отчаянной дерзости. Однако Габриэль де Леон убивал этих тварей с шестнадцати лет и прекрасно видел, когда перевес сил был не в его пользу.

Он остался без оружия, не спал три ночи, умирал с голоду в окружении врагов и потел от ломки. В голове эхом звучал голос Серорука, звенели обитые серебром кабуки о булыжник двора в Сан-Мишоне.

Закон первый: если сам не жив, то и нежить не убьешь.

— Тебя, наверное, мучит жажда.

Из внутреннего кармана кафтана чудовище извлекло хрустальный флакон, на гранях которого заиграл бледный свет. Габриэль прищурился.

— Это просто вода, шевадье. Пей.

^{*} Спасибо (*фр.*).

Знакомая игра. Щедрость — прелюдия к искушению.

Но язык во рту наждачкой скреб по небу, и, пускай эту жажду ничто унять не смогло бы, Габриэль выхватил флакон из призрачно-бледной руки и плеснул его содержимого себе на ладонь. Вода, кристально чистая, без следа крови.

Он устыдился облегчения, с которым выпил всю воду, до капли. Его человеческой половине она показалась слаще любого вина, любой женщины.

— Прощу. — Взгляд холоднокровки был острым, точно осколки стекла. — Присаживайся.

Габриэль не сдвинулся с места.

— Сядь, — приказала тварь.

Волей чудовища придавило, точно прессом, и вот уже Габриэль не видит ничего, кроме его темных глаз, как если бы они занимали всю комнату. И стало ему сладостно. Он чувствовал себя шмелем, которого манит аромат цветка, свежие, в каплях росы лепестки. Кровь снова устремилась в низ живота, но Габриэль, как и прежде, слышал в голове голос Серорука.

Закон второй: яд нежити со словами втечет тебе в уши.

Габриэль стоял. Твердо, на подламывающихся, как у жеребенка, ногах. Губ чудовища коснулась тень улыбки. Заостренные кончики пальцев убрали с кроваво-шоколадных глаз золотистую прядку и побарабанили по переплету книги.

— Впечатляет, — сказала оно.

— Не могу сказать того же, — ответил Габриэль.

— Осторожнее, шевалье. Рискуешь ранить мои чувства.

— У нежити чувства зверя, внешность человека, но дохнет она как дьявол.

— А, — холоднокровка улыбнулся, и во рту у него будто блеснула бритва. — Закон четвертый.

Удивление Габриэль скрыл, но в животе у него скрутило.

— *Oui**. — Холоднокровка кивнул. — Мне знакомы принципы Ордена, де Леон. Если не учиться у прошлого, в будущем ждут беды. А будущие ночи, как ты, надеюсь, понимаешь, нежити очень интересны.

— Верни меч, пивяка, и я покажу, чего твое бессмертие стоит.

* Да (*фр.*).

— Угрозы. — Чудовище присмотрелось к своим длинным ног-
тям. — Как банально.

— Это клятва.

— *«Пред ликом Господа и семерых Его мучеников клянусь: да узнает тьма мое имя и устрашится. Покуда горит она — я емь пламень. Покуда истекает кровью — я емь клинок. Покуда грешит она — я емь угодник Божий. И я ношу серебро»*, — процитировало чудовище.

Мягко накатила волна отравляющей дух ностальгии. Эти слова Габриэль слышал, казалось, еще в прошлой жизни, когда они эхом звенели под сводами и среди витражей Сан-Мишона: молитвой о мести и кровопролитии, обещанием Богу, который глух. Но услышать их тут, из уст чудовища, было...

— Сядь, во имя любви Вседержителя, — вздохнул холодно-
кровка. — Того и гляди с ног свалишься.

Воля чудовища продолжала давить, а в его глазах сосредоточился весь свет, который был в камере. Оно словно шептало на ухо, щекоча клыками, обещая сон и отдых после долгой дороги, чистую воду — смыть кровь с рук — и тихий уютный мрак, в котором забудется, как выглядит все, что ты отдал и потерял.

Но тут Габриэль вспомнил лицо своей дамы. Цвет ее губ, когда последний раз целовал их.

И остался стоять.

— Чего тебе, холоднокровка?

Краешек закатного солнца скрылся за горизонтом, а Габриэль ощутил на языке привкус жухлых листьев. Не на шутку разыгралось желание, готовое смениться потребностью. Жажда холодными пальцами прошлась по спине, накрыла его черными крыльями. Когда он курил последний раз? Два дня назад? Или три?

Боже святой, он бы мать родную за трубку убил...

— Как я уже сказал, — ответил холоднокровка, — я летописец ее милости. Хранитель ее рода и смотритель библиотеки. Твоими заботами и стараниями Фабьен Восс мертв. Теперь, когда прочие дворы крови преклонили колени, моя госпожа озаботилась сохранением. Прежде чем Последний Угодник умрет, прежде чем вся мудрость Ордена ляжет в безымянную могилу, моя бледная императрица Марго в своей безграничной щедрости дает тебе возможность выговориться.

Жан-Франсуа улыбнулся виноцветными губами.

— Она желает услышать твою историю, шевалье.

— Смотрю, у вашего брата беда с чувством юмора, — ответил Габриэль. — Обращаясь и восставая из могилы, вы забываете прихватить его из земли. Вместе с душонкой.

— С чего ты взял, что я шучу, де Леон?

— Животные частенько забавляются с добычей.

— Если бы моей императрице хотелось позабавиться, твои вопли было бы слышно даже в Алете.

— Угрозы. — Габриэль присмотрелся к своим обломанным ногам. — Как банально.

Чудовище склонило голову набок.

— Туше.

— С какой стати мне тратить последние часы на этом свете, рассказывая историю, на которую всем начхать? Я для тебя никто. Ничто.

— Брось. — Тварь выгнула бровь. — Черный Лев? Человек, переживший алый снегопад Августина? Тот, кто спалил дотла тысячу наших и ударил Безумным Клинком по шее Вечного Короля? — Жан-Франсуа цокнул языком, словно школьная мадам, журущая непослушного ученика. — Раньше ты был величайшим из угодников, а сейчас и вовсе единственный. Как же плохо лежит на этих широких плечах мантия скромности.

Холоднокровка ступал по грани между ложью и лестью, выверяя каждый шаг, точно волк, идущий на яркий и острый запах крови. Что же ему нужно на самом деле, почему Габриэль до сих пор жив? Похоже...

— Все дело в Граале.

Лицо чудовища превратилось в неподвижную мраморную маску. Однако Габриэлю почудилось, что взгляд темных глаз слегка дрогнул.

— Грааль уничтожен, — ответило чудовище. — Какое нам теперь дело до чаши?

Габриэль склонил голову набок и процитировал:

*— Из чаши священной изливается свет,
И верные руки избавят от бед.
Перед святыми давший обет,
Один человек вернет небу цвет.*

В холодных каменных стенах раздался бездушный смех.

— Я хроникер, де Леон. Мне интересна история, а не мифология. Тривиальные суеверия прибереги для скота.

— Лжешь, холоднокровка. Яд нежити со словами втечет тебе в уши. Если надеешься, что я предам...

Голос у Габриэля дрогнул, и он не договорил. Чудовище как будто не двигалось, но в его протянутой руке возник фиал с красновато-коричневым, словно растертый шоколад и лепестки роз, порошком.

Подступило знакомое искушение.

— Подарок, — сказала чудовище, вынимая колпачок.

Послышался запах: насыщенный, приторный, медный. Кожу покалывало. Габриэль невольно приоткрыл рот и охнул. Он понял, что нужно чудовищам. Ясно же, одним разом он не ограничится, захочется больше. Он словно со стороны услышал собственный голос. И если прошедшие годы, пролитая кровь еще не разбили ему сердце, то вот что точно могло его разбить.

— Я потерял трубку... В Шарбурге я...

Из кармана холоднокровка извлек костяную трубку тонкой работы и положил ее на столик, а рядом поставил фиал. Пристально глядя на Габриэля, он жестом пригласил его сесть напротив.

— Присядь.

Наконец Габриэль, совершенно разбитый, подчинился.

— Угощайся, шевалье.

Габриэль опомниться не успел, как схватился за трубку и насыпал в чашечку липкого порошка. Он так дрожал, что едва не выронил вожделенное угощение. Все это время холоднокровка не сводил взгляда с его рук — покрытых шрамами, мозолями и прекрасными татуировками. На правой была выведена гирлянда из черепов, на левой — коса из роз. Под костяшками поперек пальцев тянулось слово «терпение». На фоне бледной кожи оттененные металлическим блеском чернила казались черными.

Убрав со лба длинный локон черных волос, угольник-среброносец похлопал себя по карманам пальто и кожаных брюк. Огниво, разумеется, отняли.

— Мне нужно пламя. Лампа.

— Нужно.

С мучительной неспешностью холоднокровка сложил изящные пальцы шпилем у подбородка. В целом мире в этот момент не осталось

никого и ничего. Только убийца, чудовище да тяжелая, будто свинцовая, трубка в дрожащих руках Габриэля.

— Поговорим о нужде, угожник. Причины неважны. Как и средства. Моя императрица требует, чтобы ты рассказал свою историю. Поэтому мы либо сидим здесь, как аристократы, и ты потакаешь своей мелочной, омерзительной привязанности, либо перемещаемся в недра шато, куда боятся ступить даже дьяволы. Так или иначе моя императрица Марго твою историю услышит. Вопрос в другом: ты поведешь ее, перемежая слова затяжками или воплями.

Он сдался. Он пал, едва взявшись за трубку.

Он истосковался по аду и страшился возвращения туда.

— Дай, сука, огня, холоднокровка.

Жан-Франсуа снова щелкнул пальцами, и дверь камеры со скрипом открылась. Снаружи ждала все та же рабыня. В руке она держала накрытый длинным узким плафоном светильник, в свете которого казалась просто силуэтом: черное платье, черный корсаж, черный воротник... Это могла быть и дочь Габриэля, и мать, и жена — все равно. Главное — пламя.

Габриэль напрягся с силой двух натянутых луков, смутно уловив тревогу вампира. В присутствии пламени тот тихо, шелковисто шипел сквозь острые зубы. Однако Габриэлю сейчас на все было плевать, кроме огня и темной магии, силу которой он высвободит: кровь превратится в порошок, порошок превратится в дым, а тот дарует блаженство.

— Давай ее сюда, — велел он женщине. — Да поживее.

Она поставила лампу на столик и только тут взглянула на угожника. Она молчала, но взгляд ее бледно-голубых глаз как бы говорил: «И это я-то рабыня?».

Ну и плевать. Совсем. Габриэль ловко подкрутил ключик лампы, поднимая до нужной высоты пахнущий маслом язычок пламени. Ощутил его тепло в холоде башни, поднес чашечку трубки на нужное расстояние, чтобы порошок начал тлеть. И когда темная алхимия, утонченное волшебство заработало, в животе затрепетало. Кровавый порошок закипел, теряя цвет и выделяя аромат остролиста и меди. Габриэль приник губами к мундштуку с такой страстью, с какой не целовал и возлюбленную, и — Боже милостивый! — наконец затянулся.

Легкие наполнились пламенем, разум взбурлил, как грозовые тучи. Габриэль вдыхал этот дым кристалликов крови, а сердце кололось о ребра, словно птица — о прутья костяной клетки. Член затвердел и впиался в гульфик кожаных брюк. Казалось, еще одна трубка — и Габриэль узрит лик самого Бога.

Рабыня теперь представлялась ангелом в смертном обличье. Захотелось поцеловать ее, выпить ее, умереть в ней, стиснув в объятиях и лаская губами ее кожу. Зачесались клыки; на шее у женщины, прямо под челюстью, столь маняще билась жилка. Живой и грохочущий пульс...

— Шевалье.

Габриэль открыл глаза.

Он стоял на коленях у столика, согнувшись над пляшущим огоньком пламени. Сколько времени прошло?.. Женщина исчезла, будто и не приходила.

Снаружи задувал ветер, в котором угадывались десятки голосов: они нашептывали секреты, пролетая над крышами; выли, сыпля проклятиями, среди парашютов; и тихо-тихо повторяли его имя в ветвях голых черных деревьев. Габриэль мог сосчитать каждую соломинку на полу, ощущал каждый вставший дыбом волосок на теле, слышал запах старого праха, новой смерти и пыли дорог на подошвах. Каждое чувство обострилось, точно клинок, сломанный и окровавленный, который он сжимал в татуированных руках...

— Чья...

Габриэль покачал головой. Слова тянулись, как патока. Белки его глаз налились кровью. Он взглянул на фиал — тот вернулся в руки чудовища.

— Чья... это кровь?

— Моей благословенной госпожи, темной матери и бледной хозяйки, Марго Честейн, первой и последней своего имени, бессмертной императрицы волков и людей.

Холоднокровка смотрел на огонек со смесью тоски и ненависти. Из сырого угла камеры выпорхнул бледный, как череп, мотылек и заметался вокруг лампы. Фарфорово-бледная рука сомкнулась, скрывая фиал из виду.

— Но до тех пор, пока я не услышу твой рассказ, ты больше ни капли ее не получишь. Так что выкладывай и представь, что говоришь

Империя вампиров

с ребенком. Так, будто о тебе станут читать спустя эпохи те, кто ничего об этом месте не знает. Ибо слова, которые я переношу на пергамент, должны прожить столько же, сколько и эта бессмертная империя. Твоя история станет единственной формой бессмертия, которую ты познаешь.

Из кармана холонокровка достал резной деревянный пенал с изображением двух волков и двух лун. Из него вынул длинное перо — черное, как и ряды перьев, окружавших его шею, — а на подлокотник кресла поставил небольшую бутылочку. Обмакнув перо в чернила, Жан-Франсуа поднял на Габриэля выжидающий взгляд темных глаз.

Ощущая вкус красного дыма на губах, Габриэль сделал глубокий вдох.

— Приступай, — сказал вампир.